

ВАСИЛЬЕВ Юрий Альбертович – доктор исторических наук, профессор Московского гуманитарного университета (111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, 5; historymosgy@mail.ru)

НУЖНА ЛИ ЕДИНАЯ ПАРАДИГМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ?

Аннотация. Публикация является продолжением обсуждения проблематики исторической эпистемологии. Автор утверждает, что смена парадигм в исторической науке обусловлена необходимостью качественного обновления научного знания. Обновление современного историописания основано на невозможности подхода к истории, отражающего единую историческую теорию (глобальную, тотальную парадигму), способную охватить и передать все широчайшее многообразие исторического процесса по единым схемам и моделям развития. Позиционируя себя как последователя традиции синтетического подхода в русской исторической школе, автор высказывает мнение о проявлении кризиса в понимании истории, но не кризиса исторической науки.

Ключевые слова: история, историческая наука, эпистемология, парадигма, синтетический подход, русская историческая школа, репрезентация, общественное сознание

На страницах журнала «Власть» проводится обсуждение проблематики, связанной с исторической эпистемологией. С.Ф. Черняховский представил собственный взгляд, основанный на парадигме позитивизма: «с позиции позитивной истории» автор размышляет о концептах объективности, истинности в историческом исследовании, критерии научности, об историческом факте, связи между фактами, выявлении закономерностей и законов, познании законов исторического исследования, об оценке исторических событий с точки зрения их значимости для решения общественных задач, установлении достоверности события [Черняховский 2017]. О.А. Бельков акцентирует внимание на функциях исторического знания: он утверждает, что история – наука идеологизированная, выражающая государственническую идеологию. В данном контексте определяется взаимосвязь истории и идеологии, истории и политики (политическое значение исторической науки, формирование национального самосознания народа, его идентичности и отношения к государству и существующей власти). Автор обращает внимание на факт использования истории политическими субъектами для обоснования и оправдания своих действий, достижения политических целей (история как основа для выработки актуальной политики, обеспечения жизнеспособности и жизнестойкости социума). Историческая наука признается в качестве отражения социально-групповых (государственных, классовых, этнических, профессиональных и пр.) интересов [Бельков 2018]. Представление различных парадигм, выражающих авторское видение подходов и функций исторического познания, можно оценивать как позитивное явление.

Смена парадигм (при всей относительности данного термина) в исторической науке, которая пугает многих представителей ученого сообщества, является вполне нормальным явлением, связанным с необходимостью качественного обновления научного знания. Историческая репрезентация новых тем и проблем значительно расширяет представления о материальной, культурной и духовной жизни народов в разные исторические эпохи и в разных условиях. Предмет современных исследований историков акцентирован на индивидуе, на человеке в исторически конкретных условиях. При этом меняется не содержание исторического процесса, а интерпретация тех или иных его проявлений, что значительно обогащает его в глазах современников, повышает их интерес к различным сторонам прошлой жизни человечества. Духовно-нравственные и

моральные аспекты (гуманистические, религиозные, культурные и др.), историческое сознание рассматриваются как важные части содержания мирового исторического процесса. При этом материальные факторы, социально-экономические и политические отношения также значимы.

Обновление современного историописания основано на невозможности подхода к истории, отражающего одну-единственную историческую теорию (глобальную, тотальную парадигму), способную охватить и передать все широчайшее многообразие исторического процесса по единым схемам и моделям развития. Тем не менее претенденты на роль авторов всеохватывающих и всеобъемлющих исторических теорий и концепций, как и в прошлом, порой будут, несомненно, появляться: пример с современным бизнес-проектом А.Т. Фоменко и его последователями показателен.

Представляется, что современное обновление истории возможно через призму отечественных традиций в историческом знании, в первую очередь синтетических концептов представителей русской исторической школы, в числе которых следует выделить ведущих теоретиков истории Н.И. Кареева, В.О. Ключевского, А.С. Лаппо-Данилевского [Васильев 2012]. Значительный комплекс авторских публикаций в данной области доступен в базе Научной электронной библиотеки (НЭБ). Можно утверждать, что развитие теории исторического знания и теории исторического процесса в русской исторической школе во второй половине XIX – начале XX в. происходило не только соразмерно эволюции интеллектуальной мысли в Западной Европе, но и в некоторых направлениях ее опережало. В качестве примера можно привести осмысление проблемы личности как значимой научной темы. Современный синтетический подход позволит возвратиться и воссоздать целостный взгляд на природу, общество и человека.

В последнее время высказывается мнение о кризисе мировой исторической науки как некоей серьезной опасности, которая может стать губительной для нее. В данной постановке вопроса смещается акцент: можно утверждать о проявлении кризиса в понимании истории, но не кризиса исторической науки! Подобное уже случалось неоднократно. Современное состояние гуманитарного знания, которое в мировом научном сообществе называют *post-post-mo* (после постмодернизма), не представляется конструктивным отождествлять с кризисом в гуманитарном знании, в частности в историописании¹. Историческая наука переживает сегодня не состояние кризиса, а период ее обогащения, многообразия. Именно так оценивают ее современное состояние известные теоретики истории Йорн Рюзен и Георг Иггерс из Германии, Франклин Анкерсмит из Нидерландов, британец Питер Берк, американцы Лайонел Госсмен и Алан Мегилл. Примечательно, что все перечисленные авторитетные теоретики истории придерживаются синтетического подхода в историописании, ориентации на возвращение к человеку, личности как предмету исторических исследований. По выражению Ф. Анкерсмита, «добрые старые времена единства науки, видимо, ... снова возвращаются». Причем именно история, а не естествознание является местом, откуда идет колонизация всей науки в целом [Анкерсмит 2007: 71].

Устойчивое утверждение о кризисе исторической науки, пришедшее с Запада, в нашей стране получило различные интерпретации (одна из них – «методологический шок»). Увлечение цивилизационным методом после крушения советской методологии марксизма-ленинизма, мир-системным и др. подхо-

¹ Историописание (англ. *Historical writing*) может рассматриваться как созвучность историографической традиции, историографического контекста. Значение данного понятия шире, чем понятия историографии.

дами выявило определенную ограниченность каждого отдельно взятого эпистемологического направления: так, цивилизационный метод оказался связанным с фактическим игнорированием единого исторического процесса, мир-системный метод ограничивался объяснением лишь капиталистической системы. Можно предположить, что идея кризиса исторической науки связана с тем, что в последние десятилетия на Западе не появилась никакая принципиально новая и конструктивная методологическая парадигма общественного развития. Набившую оскомину концепцию постмодерна периодически пытаются обновить декорациями трансмодерна, постэкономического пространства и другими подобными тупиковыми вариантами.

В России сегодня проявляется своеобразная мода на марксизм. В книжных магазинах снова появились издания трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. Марксистами объявляют себя и те, кто проявляет интерес к ортодоксальному марксизму, и те, кто признает лишь раннего Маркса, и те, кто свою задачу видит в защите «марксизма» от «ленинизма». Трактровка советского «ленинизма» с современных позиций в качестве развития и обогащения теории марксизма признается односторонней и ограниченной. В данном случае ленинизм рассматривается как одна из версий понимания, трактовки и применения марксизма, прежде всего и главным образом к России, по преимуществу в инструментально-прагматической области, связанной с применением марксизма (концепция применения входит в состав теории практики теории). С другой стороны, инструментальный характер применения ортодоксального марксизма к реалиям России оценивается как проявление не только догматических трактовок, но и «революционного ревизионизма».

Современный кризис понимания истории может быть преодолен путем изменения приоритетов в методологии исторических исследований в сторону теоретической направленности. Философия, социология, политология, культурология дают историкам теоретический фундамент, служат теоретической основой исторических исследований. В развитии теоретической мысли нуждаются различные исторические направления под названиями «концептуальная история», «интеллектуальная история», «экономическая история», «политическая история», «социокультурная история», «культурно-социальная история», «глобальная история», «персональная история» и др., а также многочисленные их трансформации с определением «новая». Перед историками вновь встала задача, которую в свое время кратко и четко сформулировал И.Г. Дройзен: следует найти методы.

Исследованием истории как объективного и закономерного процесса занимается наука, которую называют тем же именем, что и изучаемый ею объект, а именно историей. Употребление одного и того же термина для обозначения как реального исторического процесса, так и науки, изучающей этот процесс, создает определенные неудобства. Чтобы избежать их, современные авторы предлагают называть историей только сам исторический процесс, для обозначения же специальной науки об истории использовать термин «историческая наука».

В теории исторического познания выделяются отрасли эмпирической историографии, историософии и исторической гносеологии (как сейчас принято называть – эпистемологии). Первая образует содержание и основу исторической науки. Две другие, нередко переплетаясь и сливаясь, долгое время развивались в недрах единого интеллектуального процесса, называемого философией истории. Однако их функции различны: историософия представляет собой осмысление истории, точнее, теоретическое знание об истории, эмпирическое знание о которой дает историография. Объект знания историографии и историософии один и тот же – историческая реальность. Но предметы знания

отличаются: первая описывает реальные события и ситуации в объективных процессах; вторая стремится понять их необходимые связи, т.е. закономерности, тенденции. Различаются и объекты исследования: историография имеет дело с историческими источниками; историософия опирается на вторичные исторические тексты. Историческая эпистемология есть теория исторического познания, охватывающего и историософию, и историографию.

Основы историософской традиции в России, хронологически более ранней, проявились в исторических построениях М.В. Ломоносова [Васильев 2016]. Историософский подход противопоставлял исторической эмпиричности выявление смысловых значений в событийности исторического процесса, восприятие истории как телеологического явления. Теоретико-методологический подход, сформированный русской исторической школой во второй половине XIX – начале XX в., обогатил мировую интеллектуальную мысль разработкой научной теории истории, включая комплекс онтологических, эпистемологических, аксиологических проблем истории. Особенность теории истории той эпохи интеллектуальной бифуркации заключалась в синкретичности историографической, философско-исторической, социологической, психологической проблематики: легитимация и становление новых самостоятельных научных дисциплин (социологии, психологии) в России еще только начинались.

Важно отметить, что сегодня в области теории истории в Западной Европе, вызвавшей довольно широкий интерес у современных исследователей, бережно сохраняют и развивают собственные историографические традиции. Примером может служить современная Германия, где многие исследования историков (школа Йорна Рюзена, например) берут начало в работах историка Иоганна Густава Дройзена как методолога истории. До сих пор в российской историографии бытует причисление ведущих теоретиков русской исторической школы, включая Кареева, Ключевского и др., к позитивистам или преувеличивается влияние позитивизма на их теоретические разработки. Однако это ограниченный взгляд: в их концептуальных схемах можно увидеть идеи, созвучные с феноменологией Э. Гуссерля, философией жизни В. Дильтея и Г. Зиммеля, современной концепцией возвышенного исторического опыта Ф. Анкерсмита, исторической эпистемологией А. Мегилла, с пониманием истории как культуры Й. Хейзинги. Теоретики русской исторической школы осознавали недостаток позитивизма в отношении личности (как в ортодоксальном учении О. Конта, так и в своеобразных его вариациях в России). Они заложили основы социологического и психологического направлений в исторической науке в России. Важно учитывать также опыт рецепции интеллектуального знания в рамках мирового научного сообщества [Васильев, Васильева 2014].

В современном историописании усиливается критика трансценденталистской традиции. Рационализм картезианства вызвал отчуждение повседневной реальности от познающего субъекта. Посредством трансцендентального субъекта опыта и знания оказался невозможным контакт с реальностью, не опосредованный разумом, идеей, категориями рассудка, языком, парадигмой и т.д. Альтернатива предлагается в обращении к аристотелевскому пониманию источников исторического опыта и познания. Однако колебания из одной крайности в другую, как показывает многолетняя практика, непродуктивны.

В современном синтетическом построении истории происходит расширение терминологического словаря, соответствующего нынешнему уровню исторического знания. Кроме словаря описания и объяснения, а также словаря смысла и интерпретации, общий терминологический словарь историографии пополнил словарь исторической репрезентации. В целом словарь репрезента-

ции больше подходит для понимания историографии, чем словари описания и интерпретации. Словарь репрезентации позволяет разрешить извечный и бесконечный спор между идеализмом и реализмом. В ней нет оппозиции между миром и сознанием. Сознание предлагает репрезентации того мира, с которым исследователь знакомится благодаря историческому опыту (область, которую невозможно охарактеризовать в терминах субъекта или объекта).

В контексте современных трактовок измерения истории можно констатировать, что в любой национальной историографии существует неотъемлемая часть мифологизированного прошлого, которое она не может историзировать (т.е. сделать фактом истории), но которое в значительной мере определяет ее идентичность — иногда даже в большей степени, чем историзированное прошлое. В общественном сознании на определенных этапах развития проявляется стремление историзировать мифы своей истории, однако нередко вместо историзации мифов происходит историзирование только способа обращения с существующими мифами. Знание никогда не сможет заменить реалий прошлого.

В репрезентации исторического процесса особое значение в качестве критерия оценки имеет понятие ценности, с помощью которого исследователь прошлого мог бы выбирать из многогранной действительности то, что имеет историческое значение. Научное построение истории, основанное на данном принципе, должно утвердиться в общественном сознании. В том случае, если факт окажет реальное воздействие на развитие общества и его последствия, которые получают признание как имеющие определенную ценность, он приобретает собственно историческое значение. Такое значение устанавливается посредством исторического исследования масштабов и силы его влияния. Личность, например, получает значение в истории не только как ценная сама по себе, но и с причинно-следственной точки зрения, поскольку она становится фактором исторического процесса. Личность получает значение в истории в тех ее проявлениях (действиях), которые фактически оказывали влияние на исторический процесс [Васильев 2018].

Актуальность данной проблемы в современном интеллектуальном знании проявляется в исторической памяти как функции исторического познания, связанной с феноменом забвения — своего рода «опыта разрыва» в истории. Во-первых, в прошлом есть много исторического материала из повседневной жизни, который можно забыть, поскольку он не связан с настоящей или будущей идентичностью. Во-вторых, исследователи иногда «забывают» о том, что имело решающее значение в прошлом. Но происходит это не потому, что они хотят намеренно исказить прошлое, а просто потому, что они не знают о значении определенных причинных факторов. Впоследствии история нередко побуждает нас признавать значение тех аспектов прошлого, на которые прежде не обращали никакого внимания. В-третьих, есть ситуации, когда появляются основания забыть о тех или иных сторонах прошлого, когда память о них оказывается слишком болезненной, чтобы включать их в современное коллективное сознание. Наконец, забвение может проявляться в условиях вхождения общества в новый мир, что означает отказ от прежнего мира. Забвение в данном случае является условием обретения новой идентичности. «Опыт разрыва» в истории может быть представлен при изучении Ренессанса или Французской революции. В истории России характерны примеры, связанные с драматическими событиями 1917 г. и 1991 г. Данные исторические трансформации сопровождались ощущениями тяжелой и невозможной потери в коллективной исторической памяти, утратой прежней идентичности, на смену которой приходят новая историческая и культурная идентич-

ности. В подобных ситуациях не может быть речи о примирении прежней и новой идентичности.

Подобные исторические изменения усложняются накоплением коллективного травматического опыта, который проявляется в общественном сознании в течение многих поколений. В советской истории такой опыт связан с потрясениями Гражданской войны (1917–1922 гг.), политикой военного коммунизма Советского государства (1918–1921 гг.), судьбой российского крестьянства [Васильев 1992], историей сталинизма (1929–1953 гг.), тяжелыми социально-экономическими коллизиями периода «холодной войны» (1945–1991 гг.)

Понимание проблемы ценности связано с насущной необходимостью преодоления разрыва между научно-историческим знанием и общественным сознанием, причем как в ретроспективном плане, так и в отношении современности. В осмыслении так называемых трудных вопросов истории России необходим синтетический взгляд в отношении понимания ценности в историческом процессе. Обсуждение данной актуальной современной темы связано с размышлением о российском национальном характере, русском архетипе, российской идентичности. Эти проблемы сегодня рассматриваются в фокусе российского культурно-исторического кода, который был и остается экзистенциальной основой нашей идентичности, определяющей содержание отечественной истории. Одновременно российская идентичность определяется в качестве фактора национальной безопасности России. В данном контексте представляется актуальной мысль о том, что в чрезвычайных условиях (особенно в период «горячих» и «холодных» войн в истории человечества) победителями становятся те страны, в которых государственное начало сопрягалось с культурно-историческими основами общества и человека. В переходные исторические эпохи (а Россия, безусловно, сегодня переживает именно такой момент), потребность в осмыслении тем: «Кто мы такие?», «Откуда мы взялись?», «Как мы развиваемся и почему так?» — далеко выходит за рамки научной рефлексии и становится настоящей потребностью всего общества [Лапшин 2015а, 2015б]. Только с учетом такого понимания можно снизить риски в обустройстве России и достойно ответить на вызовы XXI в.

Список литературы

- Анкерсмит Ф.Р. 2007. *Возвышенный исторический опыт*. М.: Европа. 612 с.
- Бельков О.А. 2018. История: наука или идеология? — *Власть*. Т. 26. № 7. С. 76–82.
- Васильев Ю. А. 1992. *Деревня на распутье. К возрождению села: формирование условий жизнедеятельности и культуры быта*. М.: Молодая гвардия. 146 с.
- Васильев Ю.А. 2012. *Теория и методы в русской исторической школе: Теория исторического знания, теория исторического процесса, психологическое направление*. М.: КД «ЛИБРОКОМ». 272 с.
- Васильев Ю.А. 2016. *М.В. Ломоносов в русской исторической школе*. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета. 168 с.
- Васильев Ю.А. 2018. *Юрий Андропов. На пути к власти*. М.: Вече. 416 с.
- Васильев Ю.А., Васильева М.Ю. 2014. Влияние идей Христиана Вольфа на мировоззрение М.В. Ломоносова. — *Власть*. № 3. С. 121–125.
- Лапшин А.О. 2015а. За нами — правда истории. — *Власть*. № 10. С. 237–240.
- Лапшин А.О. 2015б. История Великой Победы. — *Знание. Понимание. Умение*. № 4. С. 351–357.
- Черняховский С.Ф. 2017. О целях и задачах исторического исследования. — *Власть*. Т. 25. № 12. С. 7–10.

VASIL'EV Yuriy Al'bertovich, Dr.Sci. (Hist.), Professor of the Moscow University for the Humanities (5 Yunisti St, Moscow, Russia, 111395; historymosgy@mail.ru)

DO WE NEED A GENERAL PARADIGM IN HISTORICAL EPISTEMOLOGY?

Abstract. The publication is a continuation of the discussion of the problems of historical epistemology. The author argues that the change of paradigms in historical science is due to the need for a qualitative update of scientific knowledge. Updating of modern historiography is based on the impossibility of approaching history, reflecting a general historical theory (global, total paradigm), capable of embracing and transmitting the widest diversity of the historical process according to uniform schemes and development models.

Positioning himself as a follower of the tradition of the synthetic approach in the Russian historical school, the author expresses an opinion about the manifestation of a crisis in the understanding of history, but not the crisis of historical science itself.

Keywords: history, historical science, epistemology, paradigm, synthetic approach, Russian historical school, representation, public consciousness